

На изломах судьбы

Жизнь Николая Цыкунова могла стать сюжетом исторического романа

ПОВОДОМ для встречи с заслуженным работником ЖХХ РСФСР, почетным гражданином Магнитогорска, в течение восьми созывов избиравшимся в городской Совет народных депутатов трудящихся, персональным пенсионером республиканского значения, награжденным орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета, Николаем Георгиевичем Цыкуновым стал широко отмечаемый в этом году юбилей города, в котором им, председателем рабочей комиссии комбината, были приняты в эксплуатацию все коммунальные объекты городского строительства от улицы Ленинградской до улицы Труда.

Потомок дружного рода

Он родился в год начала первой мировой войны и утверждает: до сих пор не может понять, как, несмотря на все невзгоды и превратности судьбы, сумел перешагнуть границу двух столетий. А я, слушая его волнующий рассказ, недоумевая: почему руководитель такого ранга уже четыре десятка лет живет не в хоромах или загородной резиденции, а в скромной двухкомнатной квартире на верхнем этаже четырехэтажного дома.

Впрочем, привычки наши и само отношение к жизни начинается с семьи. Прадеды Николая Георгиевича больше ста лет жили дружным единым родом в поселке Дубовец на берегу Десны. К тому времени, когда на свет появился Коля, семья насчитывала 43 человека. В первую империалистическую из нее ушли на фронт шестеро. Один из братьев Цыкуновых погиб, отец Николая Георгиевича был ранен.

В 1918-м родители переехали на станцию Олсуфьево на Брянщине. Обрабатывали землю, севали лен и коноплю, имели скот и птицу. В общем, жили «безбедно»: в будни жгли лучину, а по праздникам в доме светила керосиновая лампа.

В школу за девять километров Коля отправлялся в лаптях, другой обуви в доме не было. Иногда выручала близость железнодорожной станции: бесстрашный мальчишка запрыгивал в товарные вагоны, а добравшись до места, на ходу выпрыгивал, не задумываясь о смертельном риске. На выпускном вечере смысленного парнишку, имевшего за плечами семь классов, заметили заведующий районо и предложил ему поработать библиотекарем.

Это сегодня библиотечная работа проходит среди книжных полок в тиши читальных залов. А в конце 20-х, когда советская власть приобщала к чтению широкие массы, библиотекарь должен был ездить по селам, создавать «передвижки» и изыскивать. А еще – изымать и сжигать запрещенную в те годы литературу – романы Достоевского, поэзию Есенина, книги «реакционных» историков и философов...

Драма нового века

Весной 1931 года все самостоятельные крестьянские хозяйства стали объединять в колхозы. Не минула чаша сия и семью Цыкуновых. К тому времени Николая избрали вторым секретарем райкома комсомола, вскоре приняли и кандидатами в члены ВКП(б). Кампания в районе шла с большим размахом. В ходу были аресты, высылка семей с насиженных мест, шантаж и запугивание... Участвовал комсомольский вожак в этом недолго – пока не увидел

среди раскулаченных тех, с кем сидел в школе за одной партой. И это стало для него последней каплей...

Чтобы вырваться из порочного круга, решил уехать с Брянщины на учебу. Однако руководство не отпускало. И тогда Николай решил: бежал в Ленинград – устроился на завод, окончил рабфак, поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Три года не писал домой и не приезжал к родным на каникулы. Но однажды, решив, что его побег на родине забыт, приехал в Олсуфьево в форме студента ЛИИЖТа. Возвращение это имело для него роковые последствия: в сентябре 1935-го студента Цыкунова арестовали прямо в институтском общежитии – нашлись на родине «добрые» люди, настроившие донос в Ленинград.

Четыре тюрьмы и три спецлагеря – вот крестный путь, на котором Николаю Георгиевичу в течение трех лет предстояло пройти новые «политические университеты». Первой стала тюрьма Шпалерка, где в одной камере с бывшим студентом оказались заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Радзинский, профессор Аксенов, генерал белой армии Орлов... Потом были знаменитые Кресты. Здесь пришлось сидеть в одной камере уже с уголовниками. Позже были тюрьма в Нижнем и нижегородская пересыльная, откуда отправляли по этапу... В ночь под Новый 1936-й их, затолкав в товарные вагоны по сорок человек, привезли в Магнитогорск. Местная тюрьма, однако, принять арестантов отказалась – была переполнена. Снова товарный вагон и выгрузка в Челябинске, откуда через три дня их отправили в Каменск-Уральский на строительство алюминиевого завода.

Но и это был еще не конец скитаний. По весне, проведя месяц все в тех же товарных вагонах, они оказались почти на краю света – в Имане, переименованном в наши дни в Дальнереченск. За время продолжительного пути в темных вагонах многие из заключенных заболели из-за крайней слепоты. Однако это мало кого интересовало. Разместив людей в сушильных сараях местного кирпичного завода, всех отправили на строительство секретной дороги вдоль границы с Китаем. Вот где пригодилась Николаю профессия геодезиста. Места дикие, вокруг Уссурийская тайга. И по всей строящейся трассе – лагерь, лагерь, лагерь...

Свой срок он отсидел от звонка до звонка, зарекомендовав себя хорошим специалистом. Стройка продолжалась, и ее руководство предложило Цыкунову остаться здесь уже в качестве вольнонаемного работника. Он не возражал: к тому времени честно отработавший на стройках социализма бывший заключенный был женат. С будущей женой, девушкой из семьи голыдов – есть такая народность в Уссурийском крае, познакомился после освобождения. Ехать молодым было некуда – родной деревни Цыкуновых к тому времени уже не существовало. Однако новый начальник Дальлага, ознакомившись с документами Николая Георгиевича, сказал как отрезал: «Мы такими людьми Дальний Восток заселять не будем!..»

Наверное, это была судьба. Ведь останься он тогда в краю вулканов и сопков, еще неизвестно, как сложилась бы его жизнь. А тут, получив отказ, он вспомнил вдруг слова

одного из своих сокамерников – уральского казака Алексея Платонова. Освободившись на полгода раньше Николая, тот, отправляясь домой, в станицу Магнитную, сказал на прощание: «Если некуда будет ехать, приезжай в Магнитогорск».

У высот Магнит-горы

На Южный Урал он поначалу отправился один – на разведку. Бывший товарищ по несчастью не только приютил друга на первых порах в своей проходной комнате в бараке, где жил с женой и маленькой дочкой, но и помог прописаться. А ведь в то время это было почти неразрешимой проблемой. Три месяца решался вопрос, примет Магнитка «чужака» или вновь отправит скитаться по бескрайним просторам России.

Но Магнитогорск принял его, как, впрочем, принимал в те годы многих неприянных, измученных, но не сложенных тяготами жизни. На них у города-легенды было, похоже, особое чутье. После всех мытарств в паспорте Николая Цыкунова появился долгожданный штамп о прописке и работа строительного десятника в управлении коммунального хозяйства комбината. Начался новый для него этап жизни.

В 26 лет, через полтора года после обретения новой родины, начнется неуклонный подъем его рабочей карьеры. Прораб, заместитель начальника, а затем и начальник ремонтно-строительного цеха, зам главного инженера УХХ. И наконец, приказом министра черной металлургии СССР в 1961 году Цыкунов будет назначен заместителем директора комбината по быту.

«Непартийный» начальник

Николай Георгиевич и сегодня вспоминает, что среди спецпереселенцев имелось немало высококвалифицированных специалистов – краснодеревщиков, мраморщиков, плотников. Надежные и ответственные были мастера, и работалось с ними легко. Куда легче, чем с теми, кто считал себя «людьми освобожденного труда». Начальнику ремонтно-строительного цеха, на должность которого Николай Георгиевич, зарекомендовавший себя как грамотный специалист и хороший организатор, был назначен вскоре после приема на комбинат, не раз доводилось принимать жесткие меры в отношении нерадивых десятников, кладовщиков, прорабов. Некоторых, невзирая на их партийность, приходилось даже увольнять. Обиженные, разумеется, писали жалобы, выступали на партсобраниях и конференциях, мотивируя свои увольнения «местью со стороны бывшего заключенного» Цыкунова. Молва о «непартийном начальнике» – гонимеле рядовых членов партии – в конце концов дошла до парткома комбината. Там жалобчиков, не вникая в конкретную ситуацию, поддержали, и травля приобрела целенаправленный характер.

Дошло до того, что на одной из городских партийных конференций некий инструктор парткома Иванова с высокой трибуны заявила, обращаясь к собравшимся: «До каких пор бывший тюрьмщик будет руководить цехом и позорить честных членов партии?..» Чего стоило Николаю Георгиевичу продолжать работать в гнетущей атмосфере недоверия и подозрительности и не идти на уступки «честным» партийцам, знает только он сам.

Впрочем, наступил момент, переполнивший чашу его терпения, и Цыкунов написал заявление с просьбой освободить его от должности начальника цеха или уволить с комбината. Хотелось одного: раз и навсегда освободиться от досужих сплетен и пересудов.

Будучи уверен, что заявление подпишет без волокиты, опальный руководитель немало удивился, когда его пригласил для беседы директор комбината. Внимательно выслушав рассказ Цыкунова о реальном положении вещей, он коротко произнес: «Идите и продолжайте работать. Постарайтесь сделать все, чтобы вам не мешали...»

Стоит ли говорить о том, что все разговоры о гонениях на «праведников» с тех пор смолкли раз и навсегда, а травля «непартийного» начальника цеха прекратилась сама собой...

Ежовка, Березки, Брусковый...

Строящийся Магнитке катастрофически не хватало капитального жилья: население города год от года росло. Да и невозможно было бесконечно жить «в палатке с зеленым окном» на промозгом степном ветру у подножья горы Магнитной. Чтобы хоть как-то решить проблему, в рабочем городе ставили бараки.

Их постепенный снос начался уже в послевоенные годы. Многие для этого сделал директор ММК Григорий Носов. При нем начали застраивать правый берег. Именно комбинат стал внедрять в городе комплексную застройку микрорайонов. На каждый квартал обязательно возводили свой детский сад и школу. Сегодня Николай Георгиевич вспоминает, как для каждой молодой семьи, въезжавшей в новый дом, на комбинате изготавливали самое необходимое: кухонные столы, табуреты, кровати и даже ведра и корыта... По инициативе ММК организовали и индивидуальное строительство жилых домов на приусадебных участках площадью в 1000–1200 квадратных метров.

...Как-то предложил Николай Цыкунов директору комбината Феодосию Воронову посмотреть, в каких условиях живут работники ММК в районе Держинки, Шитовых, Туковых, на первом, пятом и тринадцатом участках, где царил нищета и убожество быта...

– Возвращались молча, – вспоминает сегодня Николай Георгиевич. – Наконец, директор спросил меня: «Что будем делать?» Я попросил неделю на подготовку к конструктивному разговору...

Цыкунов предложил улучшить условия жизни людей, проведя реконструкцию барakov, – обеспечить благоустроенным жильем всех нуждающихся в кратчайшие сроки было нереально. И специалисты УХХ разработали вариант разделения барakov на секции с отдельными входом, кухней, туалетом.

Создавались и новые производства на ММК. Открыли цехи эмалированной и оцинкованной посуды, мебельную фабрику. Здесь в основном трудились женщины. А значит, необходимо было увеличить в молодом городе количество детских садов. Расширение сети дошкольных детских учреждений велось по двум направлениям: строительство новых и приспособление под детские сады уже имеющихся жилых зданий. Так, например, был приспособлен под детский сад на 240 мест первый этаж одного из жилых домов по улице Уральской. А всего в комбинатские детские сады в разные годы приходило от двенадцати до

шестнадцати тысяч воспитанников. В тот же период в одном из живописных уголков Абзакова комбинат построил круглогодичный детский оздоровительный комплекс, где одновременно могли проводить время до 900 дошколят с ослабленным здоровьем...

Здравница на свалке

Еще до войны на берегу Банного было построено три дома отдыха. На базе одного из них, Якты-Куля, комбинат позже создал прекрасный санаторий. А через некоторое время в результате реорганизации все санатории были переданы Минздраву СССР. Профсоюзам разрешалось строить лишь дома отдыха и профилактории. И металлурги взялись за строительство на Банном. В честь приближавшегося 50-летия Великого Октября новый дом отдыха назвали «Юбилейным». Сегодня он превратился в одну из любимейших загородных зон, где свободное время проводят тысячи магнитогорцев...

Тот, кто бывал позже в знаменитом теперь «Металлурге», вряд ли поверит, что когда-то на его месте была городская свалка да несколько старых домов. Возводили «Металлург» тоже своими силами. Все строительные материалы, деревянные и металлические конструкции переправляли из Магнитки по железной дороге, дабы не зависеть от разнарядки Госснаба, строго распределявшего каждую тонну цемента, каждый кубометр кирпича. Что касается финансирования, то руководство ММК шло на хитрость, поскольку без согласования с центром предприятия могли строить культурные или оздоровительные учреждения, смета которых не превышала 500 тысяч рублей. По тем временам денег этих хватало лишь на возведение двухэтажного корпуса в пионерском лагере. И потому, обходя законы, приходилось все затраты относить на основное производство...

Летом 1964 года пансионат «Металлург» принял первых отдыхающих. Теперь невозможно представить себе, сколько тысяч металлургов и членов их семей прошло за эти годы курс лечения в прекрасной здравнице.

Словом, беспокойное, но очень важное для жизни Магнитки хозяйство свхше двух десятков лет возглавлял Николай Цыкунов, чье имя неотделимо от истории города. Ему досталось нелегкое время становления УХХ комбината – работа, с которой затем его никак не хотели отпускать на заслуженный отдых вплоть до начала 80-х сменявшие друг друга директора ММК.

На пенсию Николай Георгиевич ушел в год 50-летия комбината. Сидеть сложа руки на пенсии Николай Георгиевич не смог. Собственноручно построил за два года дом в саду, а на чердаке создал небольшую палатку из пяти ульев. «Хитрость» эта была не случайной: находившиеся высоко наверху пчелы никого не кусали. Зато меда, который они приносили, хватало не только на всю родню Цыкуновых, но и на угощение соседней-садоводов.

Николай Георгиевич, отметивший в конце прошлого года 95-летие, не обделен заботой и вниманием детей, внуков и правнуков, его помнят на родном ММК. И по-прежнему он благодарен судьбе: она дала возможность оставить добрый след в славной истории родной на всю жизнь Магнитки

НИНА ЗВЕЗДИНА,
ветеран труда
ФОТО – ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ,
АНДРЕЙ СЕРЕБРЯКОВ

Он благодарен судьбе: она дала ему возможность оставить добрый след в славной истории Магнитки